

255863

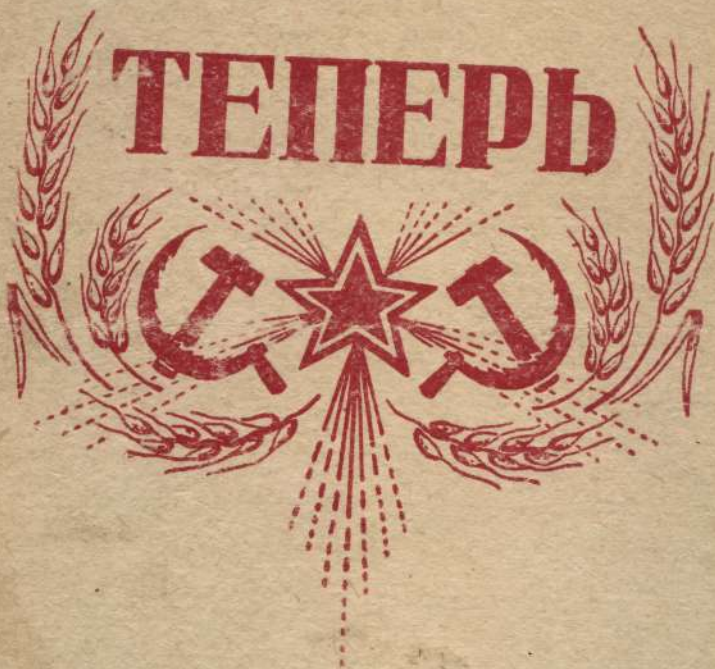
3

ПРЕЖДЕ

И

ТЕПЕРЬ

САРАТОВСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1938

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

РАССКАЗЫ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

САРАТОВСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1938

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

В этой книжке собраны воспоминания и рассказы рабочих и колхозников о том, как они жили раньше, при царизме, и как они живут теперь, после Великой Октябрьской Социалистической революции.

Это — свидетельство людей, испытавших на себе помещичье-капиталистический гнет и под руководством партии большевиков завоевавших радостную зажиточную жизнь свободных тружеников социалистического общества.

В простых рассказах рабочих и крестьян перед читателем раскрываются две жизни.

„Как жадный спрут высасывал из нас кровь и здоровье завод господина Гантке. Точно в адском пекле проходил каторжный день рабочих“, — вспоминает старейший рабочий Саратовского завода им. Ленина товарищ Викторов.

„...Пробатрачил я до самого прихода Советской власти. За шестьдесят три года своей жизни я истоптал много-много дюжин лаптей. Сколько земли барской, купечкой да кулацкой исходил я за свои годы, сколько верст отмерено в поисках заработка — не сосчитать“, — говорит Иван Яковлевич Ильин, колхозник мордовского колхоза „Од-вэле“ („Новое село“), Даниловского района.

„14-летним мальчиком я поступил в ученики на завод Беринга. Получал 10 копеек в день, да в придачу от хозяина и от мастеров подзатыльники“, — свидетельствует Иван Николаевич Козин — начальник инструментального цеха ремзавода РУжд.

„Советская власть и коммунистическая партия дали нам другую жизнь. Если при проклятом капиталистическом строе нас, многосемейных рабочих, заставляли жить в подвалах, то при Советской власти я имею прекрасную квартиру. Я живу сейчас в достатке, воспитываю пятерых детей.

Старший сын — моя гордость. Он — член ЦК комсомола, работает заместителем начальника политуправления Наркомхозов...“ (Н. Борзов, рабочий ремзавода.)

„Ведь только при колхозе мои соотечественники-мордвинь начали мыться в хорошей бане, выстроенной колхозом. Только при колхозе у нас в селе появилась библиотека, в которой около 3 тыс. томов. Появились радио и клуб, выросли фермы и построены школы, в которых учатся наши дети“, — пишет тов. Буянов, председатель колхоза „Од-вэле“.

В могилу проклятого прошлого крепко, навечно забит основной кол. Радостно живет под солнцем Сталинской Конституции.

Враги народа — троцкистско-бухаринско-фашистская сволочь пыталась снова закабалить советский народ, надеть на него помещичье-капиталистическое ярмо, лишить всего того, что добыто в боях, обильно полито рабоче-крестьянской кровью. Враги просчитались. Славные органы НКВД, руководимые сталинским воспитанником, железным наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, разгромили осиные гнезда фашистских диверсантов и убийц. Доблестная советская разведка разоблачает и выкорчевывает остатки вражеских гнезд, и в этом советской разведке помогает советский народ.

„И то, что завоевано нами под великим знаменем Ленина — Сталина, будем защищать от всяких врагов до последней капли крови“, — говорит рабочий-стахановец тов. Ипатов. И это — слова и дела всего советского народа.

Рабочие и крестьяне, осуществляя свои права и обязанности, собираясь выбирать своих избранных в депутаты Верховных Советов союзных республик, твердо знают, кого выбирать. Они будут голосовать за верных сынов нашей социалистической родины, за непоколебимых борцов за дело Ленина — Сталина, за счастье советского народа. Они будут голосовать за партию большевиков, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Вспоминая о своем участии в выборах в Верховный Совет СССР, тов. Ильин Иван Яковлевич, по национальности мордвин, колхозник колхоза „Од-взле“ Даниловского района, говорит: „Голосуя за них (т.т. Фурманова и Дубинина), я голосовал вместе с тем и за нашего дорогого отца товарища Сталина, — за него, любимого, голосовал весь советский народ“.

Сталин — это знамя побед социализма. Имя Сталина, творца чудесной Конституции победившего социализма, произносится как самое дорогое. Сталин — это ленинизм в действии. То, что начал и предначертал Ленин, продолжает и осуществляет Сталин — вождь партии и народа.

Безгранична, неизмеримо огромна любовь народных масс к Сталину — отцу и другу. Для выражения такой всенародной любви подлинными народными певцами и поэты черпают из родников своего искусства и творчества изумительные слова и сравнения.

Джамбул, народный певец Казахстана, орденоносец, в своей поэме о Сталине говорит:

Я Ленина имя, как знамя, носил.
Мой Ленин, он вывел народ из могил.
Мой Сталин, ты юность мою воскресил,
Ты счастьем и радостью всех наградил.
И радостью вместе со мною полна
Моя золотая родная страна.
Гляжу я, столетний, душа горяча, —
Я вижу счастливую юность внучат.
Они, как джигиты в шевровом седле,
И вольно и гордо летят по земле.

ДЖАМБУЛ

народный певец Казахстана, орденосец

ЗА ОРДЕН, ЗА СВЕТАУЮ ЖИЗНЬ СВОЮ, МОЙ СТАЛИН, ТЕБЕ ЭТУ ПЕСНЮ ПОЮ

Отец мой любимый, учитель родной,
Встречая восход над советской страной,
Столетнего сердца горячий родник
О Сталине новою песней звенит.
С тобою зарницу я в небе встречаю,
С тобою сижу я за чашкою чая,
С тобой я домбру поднимаю свою,
С тобой я любимые песни пою,
С тобой свое сердце в полет я пускаю,
С тобою счастливых внучат я ласкаю.
Отец мой любимый, учитель родной,
Ты—сердце, ты—голос поэмы степной,
Ты—радость народа, ты—жизни заря,
Ты—сила и слава и песня моя!

Учитель вселенной, тебе я пою,
Послушай, любимый, ты повесть мою.
Я прожил столетье, певец из народа,
О правде великой мечтая все годы.
Я песнями баев и ханов косил,
И песней, как саблей, врагов я разил.
А время тянулось, как след каравана,
В безводной пустыне я шел неустанно
И видел: по тропам голодной земли
Кровавые слезы народа текли.
И стоны я слышал,—их знала лишь ночь,—
Отец убивался, что продана дочь,
И мать горевала, но может ли мать
От дочки и сына беду отогнать,
Коль скованы руки, глаза под курком,
А губы и сердце под вечным замком.

Я в бурю родился под древней горой,
Столетье я в бурях скитался с домброй.
Мой Сталин, мой светоч, я только с тобой
Принес свою песню на радостный той.¹

¹ Той—праздник.

И реки звенят, как разлив серебра,
И степь расстилается шкурой бобра,
Цветы, как джигитов отважных сердца,
Украшили степь от конца до конца.
И воздух хрустальный от песен гудит,
Джамбул, запевай и в поля выходи.
В колхозах пшеница густая растет.
Красавец комбайн горделиво плывет.
Дары урожая в обилии несет
Для родины милой казахский народ.

Ко мне мои братья и сестры пришли
Со всей необъятной советской земли,
Встречаю я в радостной юрте своей
Внучат, сыновей и любимых друзей.
Поэзии солнце взошло над аулом,
Где выросли песни и думы Джамбула.
Послушай, родной, над Кастекской долиной
Звенит наших песен запев соловьиный.
Рождаются радостной жизни былины,
Разносятся песни родной Украины.
Узбеки, башкиры, уйгуры, грузины,
Каракалпаки и осетины,
Собравшись в Кастек на мои именины,
Собравшись в ауле Джамбула на той,
Поют о тебе, мой любимый, родной!

Ты видишь всю жизнь на столетья вперед,
Ты слышишь всю жизнь на столетья вперед,
Ты думы несешь на столетья вперед,
Ты двигаешь жизнь на столетья вперед.
Тебе свою верную песню поет
Познавший проклятого прошлого гнет,
Победно идущий к коммуне народ
С тобою, любимый, растет и цветет,
Готовый на битвы, готовый в поход.
С тобою, народного счастья отец,
Воспряла республика смелых сердец,
Как солнце востока, встает Казахстан,
С тобою, любимый, с тобой, данишпан!¹
Я Ленина имя, как знамя, носил.

¹ Данишпан — мудрейший.

Мой Ленин, он вывел народ из могил.
Мой Сталин, ты юность мою воскресил,
Ты счастьем и радостью всех наградил.
Джамбул ни тепла и ни ласки не знал,
Джамбул, как под солнцем трава, засыхал.
Ты, солнечный Сталин, об этом узнал,
Ты песню Джамбула в Москве услышал.
За тысячи верст ты мне радость послал,
Ты Ленина орден за песни мне дал.
И радостью вместе со мною полна
Моя золотая родная страна.
Гляжу я, столетний, душа горяча,—
Я вижу счастливую юность внучат.
Они, как джигиты в шевровом седле,
И вольно и гордо летят по земле.

Наш враг недобит, он змеею ползет,
Чтоб жалом гадючьим ужалить народ.
И если хоть завтра война к нам придет,—
Великий, могучий, бессмертный народ
С тобою, мой Сталин, с тобою пойдет.
И я, мой любимый, пойду за тобой,
С домброй и винтовкой и песнею в бой.
Я весь мой народ поведу за собой,
За правду, за дружбу народов святую,
За родину нашу, за степь золотую.
Пусть песня, как знамя, на солнце пылает,
Та песня, которая страха не знает,
Та песня, с которой не дремлет джигит,
Та песня, с которою сердце не спит,
Та песня, которая всюду с тобой,
Мой Сталин любимый, учитель родной.

РАДОСТНО СТАЛО ЖИТЬ, РАДОСТНО НА ДЕТЕЙ СМОТРЕТЬ

I

55 лет мне, волосы на голове седые, а спросите, сколько я по-настоящему жил? Всего двадцать с небольшим лет, с тех пор, как буржуев и помещиков прогнали, и власть стала Советской. Люди моего возраста говорят, что в Октябре 1917 года они вновь родились. И говорят правду, — до Октябрьской революции мы, можно сказать, не жили...

Детства, счастливого, радостного, какое теперь имеют дети Советской страны, я не знал. Не знали его и отец, и дед, бывший крепостной, которого помещик променял на собак в деревню Карауловку, к помещику Печорину.

До восьми лет вместе с отцом и матерью жил в Карауловке. Отец мой был бунтарь, не мирился с помещичьим гнетом. Помню, на другой или на третий день после его смерти у нас произвели обыск и избу опечатали. В то время я был уже круглой сиротой (мать умерла незадолго перед этим), из родных был только дядя, у которого я прожил три года. А когда исполнилось 11 лет, меня определили к торговцу мануфактурой в деревню Кесаровку. Взял он меня под видом сына, а обращался далеко не по-отцовски: заставлял пасти коров, убирать навоз; племянник его, всегда пьяный, измывался надо мной, каждый день пинки и зуботычины.

В конце концов сил не стало терпеть, ушел я опять в Карауловку и нанялся к помещику Колычеву. Работал с утра до темной ночи, пахал, убирал скотину, и все — за 40 рублей в год на готовых харчах. А что за харчи были? Суп из восьми круп да кусок ржаного хлеба.

16-ти лет погянуло из деревни в город. В Саратове в то время жили двое стариков — дед и бабушка по матери. Дед работал сторожем в Восточном акционерном обществе, получал гроши, но я и не думал на готовых хлебах оставаться, — сразу же, как пришел в город, поступил на работу. Летом я прессовал железо для баков, а зимой перешел на баржи. Так перебивался до весны 1902 года, когда поступил на завод Гантке.

Четыре года работал чернорабочим за 66 копеек в день на своих харчах. За квартиру, правда, не приходилось платить, — жил у бабушки, — но и то с трудом сводил концы с концами: молод был, хотелось получше одеться, а заработка не хватало на пищу и обувь.

Завод Гантке в то время был оборудован плохо, вентиляции не было. „Освежали“ нас только зуботычины мастеров: прозеваешь, не поклонись — мастер со всего размаху тебе в зубы... Жаловаться было некому и уйти некуда: много шло тогда

в город, безземелье выгоняло из деревень, у заводских ворот, бывало, толпа стоит:

„Нет ли какой ни на есть работы?..“

II

Как жадный спрут высасывал из нас кровь и здоровье завод господина Гантке. Точно в адском пекле проходил каторжный день рабочих проволочного цеха. Воздух здесь был насыщен тяжелым смрадом, удушливыми испарениями. Измученные, в грязных лохмотьях, рабочие от зари до вечерних звезд стояли у волоочильных станков.

— Эй, ты, скотина, проворнее работай!.. — то тут, то там слышался визгливый окрик мастера Реута. Вслед затем — глухой удар. Проволочников охватывало возмущение.

— Опять кого-то терзает, кровопивец!

— Василия Викторова бьет...

— Житья нет!

Смертельно ненавидели проволочники и владельца завода. Гантке заботился только о том, чтобы извлечь как можно больше прибыли. Был такой случай. Неуклюже согнувшись над столом, Гантке рассматривал планы строительства цехов. К нему подошел главный инженер Блок.

— Невозможно, — сказал он, — строить прессовый цех узким и низким, объединять в этот цех травильное, горяче-гаечное и другие отделения. От травильного пойдет смрад, угар...

Вслушав его, владелец усмехнулся:

— Вы думаете, Россия так бедна народом? Ваше беспокойство совершенно напрасно!

История Саратовского метизного завода насчитывает немало случаев, когда от тесноты в цехе, от копоты и угара погибали люди. Никогда не забудем мы, старейшие рабочие завода, замечательных большевиков — проволочников Кудряшова, Кашина, которые погибли на заводе: Кашин сгорел при обжиге проволоки, Кудряшова затянуло в проволочный барабан.

Крепла ненависть. Как черная туча нависала она над заводчиком и его прислужниками. И вот в 1905 году разразилась революционная гроза. Проволочники забастовали. Ненавистный мастер Реут сбежал. Другого мастера, англичанина (тоже не человек, зверь был), схватили, завязали в рогожный куль, вывезли на тачке за ворота завода и выбросили в грязную канаву.

Вместо сбежавшего Реута выдвинули мастером Козлова Николая Романовича (сын его работает и теперь рядом со мной). Всю жизнь он был рабочим, на себе испытал весь гнет, поэтому за интересы рабочих крепко стоял.

Недолго только пришлось ему побыть мастером: через год заменили и снова поставили к станку.

В то время я был на военной службе. А когда вернулся, на заводе была уже несколько другая обстановка. То ли забастовки помогли, революционная гроза 1905 года, только мастера

драться перестали. Но с „ненадежными“ расправлялись зверски: чуть что заметят — тотчас расчет и сообщение в охранку. А там — „волчий билет“, безработица.

III

Пришел я с военной службы и сразу — в проволочное отделение. Три месяца пробыл учеником, а затем стал работать самостоятельно. Но и „самостоятельность“ не обеспечивала: зарабатывал в месяц 30—40 рублей, из которых надо было платить за квартиру (жил на частной), за отопление и освещение. О столовых мы тогда и понятия не имели, — перебивались кое-как, с хлеба на квас, продукты забирали в долг, до полочки. Не смог выйти на работу, заболел, — хоть зубы на полку: хозяину нужны здоровые рабочие, до больных ему дела нет... А увечье получил на производстве, тоже на хозяйскую „милость“ не рассчитывай: за увечье платили 50 проц. из 50 коп. подневной платы. Калека, да еще с семьей, — как жить?

Тяжело. И от безысходности этой, от того, что деваться было некуда, — степь кругом, а в степи деревушки, на околице зимой волки воют, — многие рабочие пили, а напившись, дрались, колотили своих жен; благо, за это нашему брату ничего не было, — хоть глаза друг другу повыбей...

Теперь вот у самого завода проходит трамвай, за полчаса можно съездить в город, а тогда конка ходила, поднимается в гору, бывало, лошади по брюхо в грязи утопают... Да и что хорошего в городе было? Трактиры да публичные дома, та же пьянка... Помню, собрались мы как-то втроем в театр Очкина, а нас не пустили: „Грязны вы очень...“

Вспыхнула империалистическая война. С первого же дня, — в июле 1914 года, — меня мобилизовали и отправили на фронт. Служил я в артиллерии, да не в какой-нибудь, а в крепостной... Рассказать теперь артиллеристу, пожалуй, не поверит, насмех поднимет: воевали мы на быках... Лошадей не было (все в обозе), так быков запрягали и на быках перевозили орудия. Нас так и звали: бычий дивизион...

Летом 1917 года я, как и многие другие, „заболел“. Трясла нас революционная лихорадка, и никакие уговоры Керенского не вылечили. Когда в Петрограде рабочие и солдаты под руководством большевиков подняли восстание; наш дивизион хотели перебросить туда, но солдаты категорически отказались: „Довольно, повоевали!“

Фронт развалился, и вот я снова в Саратове вместе с другими укрепляю Советскую власть. Но на заводе поработал недолго: из-за нехватки сырья в 1919 году завод стал. „Помог“ этому и прежний владелец Фрадкин: распродал и разбазарил какие были запасы, а сам сбежал.

Делать нечего, — купил я клячонку, телегу, занялся извозом. Перебивался кое-как, чтобы только семью прокормить, но все же веры не терял: переживем все, уничтожим хозяйственную разруху — и снова задымят заводы, снова встанем к станкам. К своим станкам, на свои заводы.

Так оно и было. В 1924 году я снова на заводе, в проволочном цехе. Мудрая сталинская политика вдохновила наш коллектив: уже в 1926—27 году мы частично реконструировали цехи, расширили производственные площади, улучшили условия труда, заменили кое-что из прежнего оборудования новым, увеличили мощность завода.

IV

При Советской власти, как в сказке, изменились жизнь и работа проволочников. Наш завод стал носить великое имя Ленина. Это имя стало символом нашей радости, знаменем нашей счастливой жизни. Перестроились корпуса завода; в широкие окна цехов приветливо засветило солнце, мощные вентиляторы наполняют цехи свежим воздухом.

Мне, старому производственнику, необыкновенно дорог наш новый, советский завод, я не могу себе представить свою жизнь отдельно от жизни завода и всего коллектива.

В нашей Советской стране провода дают энергию, несут подлинную человеческую культуру, служа на пользу всех трудящихся. Сделанные из нашей проволоки провода по всей земле проносят великое слово родного Сталина. В самые далекие окраины дают они электричество. Ну, а если завтра грянет война, наши провода в один миг разнесут народу боевой призыв товарища Ворошилова, а мы сами по первому зову нашей партии — партии Ленина—Сталина, как один, станем все на защиту наших советских рубежей и будем нещадно бить врага там, откуда он пришел.

Так мне ли не радоваться, не гордиться тем, что я один из тех, кто вот уже больше двух десятилетий делает советскую проволоку? Я горжусь также тем, что на продукцию нашего завода предъявляется такой большой спрос, что коллектив завода активно участвует в социалистической стройке. Строительство новых, по последнему слову техники, светлых, просторных цехов воодушевляет наш коллектив на стахановскую работу, — мы всемерно будем повышать производительность труда, снижать себестоимость и улучшать качество продукции.

При Советской власти, как в сказке, изменилась жизнь проволочников. И это не просто слова: пройдите по территории завода, загляните в наши клубы, столовые, жилые дома, и вы убедитесь, что сказка стала былью.

За эти годы мы значительно улучшили санитарно-гигиенические условия труда, — того, что было при Гантке, нет и в помине, — улучшили культурно-бытовое обслуживание коллектива завода.

Пройдет еще год—два, и завод им. Ленина будет совершенно неузнаваем. Наряду с новыми корпусами цехов вырастут 6 многоэтажных жилых домов, 30 домов индивидуальных для рабочих, огромный клуб с вертящейся сценой и двумя залами, детские ясли и детсад, новая столовая на 5 тысяч блюд и пр.

Всего на реконструкцию завода, на постройку новых цехов, жилдомов и культурных учреждений Главметизом намечено

44 миллиона рублей. Где, в какой стране еще возможны такие темпы строительства? Где, в какой стране так заботятся об удовлетворении культурно-бытовых запросов рабочих и их семей?

Нет другой такой страны и не может быть, пока за границей власть в руках капиталистов, пока рабочие не хозяева положения. Только в Стране советов, под мудрым руководством товарища Сталина, бурно растет народное хозяйство, растут новые люди, уверенные в себе, счастливые...

V

Радостно стало жить, радостно на детей смотреть.

— Хорошую жизнь мы дали детям,—сказала мне как-то раз жена Аграфена Ефимовна.

— Мы с тобой дали?—спросил я и задумался. Вспомнил проклятое прошлое, нашу жизнь до революции.—Нет, пусть наши дети благодарят товарища Сталина. Это он дал счастливую и радостную жизнь.

Пятеро детей у нас, и все в люди вышли. Сыновья получили хорошие специальности: старший, Анатолий,—член ВКП(б), работает мастером на заводе „Автотрактородеталь“, тоже, как и я, стахановец; второй сын, Александр,—шофер на заводе комбайнов и третий, Виталий,—токарь, работает в Караганде. И дочери тоже не в поле обсевок: старшая, Валентина, окончила ФЗУ и теперь работает в Ленинграде старшим контрольным мастером на одном из заводов; младшая дочь, Клавдия,—студентка I курса Саратовского госуниверситета. Да и сам я, если бы был помоложе, тоже пошел бы учиться...

Недавно мы с Клавдией читали древнегреческую легенду о Прометее. И вот, когда в моем воображении вставал образ чудесного героя, передавшего угнетенному люду огонь, я невольно подумал, что Прометей—это мы, рабочий класс. Испокон веков прозябали мы в темной, голодной жизни и, чтобы согреть, осветить свою жизнь, как Прометей, рвались к огню революции. И вот этот огонь сжег всю нечисть в нашей стране, возродил прекрасную жизнь.

И в этой жизни мы, старики, шагаем вместе, в одну ногу с молодежью. Мне 55 лет, а я ударник на производстве, стахановец, пример показываю, как нужно работать, поднимать производительность труда. И один ли я так работаю? Нет, многие из нас, старых производственников, служат примером, многие награждены почетными грамотами, нас премируют, посылают в дома отдыха, санатории. В этом году, например, я месяц провел на курорте в Ессентуках. И старости мы не боимся, потому что „граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности“.

26 июня мы будем выбирать наших депутатов в Верховный Совет РСФСР. Выступая с докладом на VIII Всесоюзном Съезде Советов, товарищ Сталин сказал: „В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Кон-

ституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты".¹

Конституция РСФСР является родной дочерью Сталинской Конституции Союза ССР. Под знаменем этой Конституции мы в день 26 июня, как и 12 декабря 1937 года, будем голосовать за партию большевиков, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Мы будем голосовать за партию большевиков, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных потому, что стремимся, чтобы наша родина была и впредь могучей, культурной и свободной социалистической державой, чтобы трудящиеся Союза ССР были навсегда свободны от ярма эксплуатации, чтобы наша индустрия развивалась и впредь, обгоняя капиталистические страны, чтобы трудящиеся нашей страны были и впредь избавлены от какой бы то ни было безработицы и неуверенности в завтрашнем дне.

КОБОЗЕВ Александр Семенович,
ремзавод

С ВИНТОВКОЙ В РУКАХ

Я уроженец города Козлова. Мать моя жила в кухарках у инженера. Жили мы бедно. Когда умер отец, мать должна была кормить и поить троих ребят.

В Козлове я закончил трехклассное училище. Матери очень хотелось вывести меня „в люди“. Она пошла к директору козловского училища. Тот очень удивился и, пожав плечами, сказал: — Кухаркиных детей мы не обучаем.

Тогда мать отдала меня на обучение в лавку, сроком на три года, на хлебах хозяина. Жизнь в лавке была тяжелая, работы много. Но куда мне было деваться?

Затем наша семья переехала на житье в Саратов. Здесь в 1893 году я поступил работать на ремонтный завод. Получал я сначала 10 копеек за день тяжелого, напряженного труда. А когда прошел обучение, то получил прибавку 5 копеек. Вдобавок же и здесь не сладко было.

Мастера — подголоски хозяев — издевались над рабочими. Много мне пришлось вытерпеть. Чуть что — сейчас же орут:

— Ты вещь испортил. Покупай полбутылки, а то худо будет. И мы покупали.

А какие были условия работы? Самые худшие. Таскали огромные тяжести, и хозяевам не было никакого дела до того, что рабочий народ надрывается. Сейчас, в наше время, смотришь на завод и думаешь: „Как переменилось все!“. Радоваться

¹ И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. Партиздат, 1936 г.

нужно нашей молодежи. Сейчас каждому рабочему созданы условия для труда и отдыха.

Конечно, задыхаясь, теряя силы на работе, мы боролись против капиталистов. Была забастовка в 1901 году, но тогда я еще многого не понимал. А в 1903 г., когда рабочие выступили с требованием—отменить штрафы, свести рабочий день до 10 часов (тогда работали по 14—16 часов), увеличить заработную плату на 25 процентов,—тогда я уже представлял себе, что у нас один путь—бороться с капиталистами, добиваться иной, свободной жизни.

Нынешняя молодежь вмеру работает, много отдыхает, развлекается, учится. А вот мы, старики, при царской власти частенько не только не получали зарплаты, но еще с нас причиталось. Однажды доработались даже до того, что задолжали конторе 800 рублей.

Вот как мне жилось до революции. И понятно, что когда победила Великая Октябрьская Социалистическая революция, я, как и многие другие старые рабочие, с винтовкой в руках дрался на фронтах против белых, отстаивая завоевания революции. В 1925 г. я вступил в партию.

Как мне живется сейчас? Очень хорошо живется. Мне созданы все условия для отдыха и культурной жизни. Мои дети имеют все возможности для учебы. Один сын учится в автомобильном институте, двое в школе. У них, как и у всей нашей молодежи, прекрасное будущее.

КОЗИН Иван Николаевич,
начальник инструментального
цеха ремзавода РУЖд

СТАЛИНСКАЯ ЗАБОТА О ЧЕЛОВЕКЕ

В 1900 году 14-летним мальчиком я поступил в ученики на завод Беринга (теперь завод им. М. Кагановича). Получал 10 копеек в день, да в придачу от хозяина и от мастеров подзатыльники. Нас, ребят, били нещадно. Помню, раз как-то Беринг ударил одного подростка так здорово, что у него пошла кровь из уха. У Беринга я проработал до 1905 года. В пятом году работал в князевских мастерских РУЖд. После ноябрьской всеобщей железнодорожной забастовки меня перевели в саратовские железнодорожные мастерские (ныне ремзавод РУЖд). В 1908 г. был призван на военную службу.

Отец мой до 1910 года занимался хлебопашеством—своей земли не было, так он арендовал одну-две десятины. Старший брат жил отдельно от нас, работал слесарем в Петровске.

Отцу приходилось туго. Надорвался на работе, заболел, и врачи запретили работать. А меня взяли на военную службу, и только в 1912 году, когда я вернулся с военной службы, взял к себе родителей и двух братишек. Тогда я опять работал на заводе Беринга. Жилось нам плохо. Мать, двое малолетних братьев, больной отец, работник я один на всю семью, зарабо-

тывал 30—35 рублей в месяц. За квартиру платили 7 рублей; хлеб и постное масло. И только, когда побольше подработаешь, то хорошо, если на всю семью купишь фунт мяса. Но такая роскошь не часто случалась.

Работал я на заводе Беринга до начала империалистической войны. С тех пор, до конца 1917 года, был на фронте, захватил там и гражданскую войну. Вернулся с фронта потому, что сильно заболел. До закрытия завода Беринга работал на этом заводе, он был уже в ведении дороги. После закрытия завода рабочих перевели в саратовские железнодорожные мастерские, ныне ремзавод. Работаю я на нем и по сей час. Сначала был бригадиром слесарной группы, потом около 5 лет монтером. В 1929 году меня назначили мастером ремонтного цеха. Теперь я начальник инструментального цеха.

Великая Октябрьская революция подняла и рабочих и крестьян из праха и сделала нас настоящими хозяевами Советской страны. Если сравнить прежнюю жизнь с нашей теперешней жизнью свободных социалистических тружеников на примере моей жизни, то, грубо выражаясь, жизнь моя улучшилась в 10, а то и больше раз. Раньше была постоянная забота как бы свести концы с концами, чтобы хоть насущного хлеба хватило. А теперь хлеба хоть завались, да еще и белого, да и на все хватает, — только работай, не ленись. Об этом и говорить даже лишнее — для всех это ясно.

Сталинская Конституция узаконила то, что добыто под руководством партии рабочим классом в союзе с крестьянством: право на труд, право на отдых, право на образование и право на материальное обеспечение в старости.

Я хотел учиться, но отец меня учить не мог, надо было работать, как я уже сказал, с 14 лет. Зато для детей наших мы завоевали право быть образованными, только учись пожалуйста. Сын у меня учится в девятом классе, дочка в седьмом. Я надеюсь, что они добьются высшего образования. Дети рабочих в царское время и мечтать об этом не смели.

Великий Сталин заботится о самом ценном материале — о живом человеке. Его указания проводятся в жизнь, осуществляются на деле. А что это так, расскажу о себе. 21 января 1938 г. сгорел жактовский дом, где была и наша квартира. Я был на работе, дети в школе, а с женой сделалось плохо — упала в обморок. Что сгорело, а что и пропало. Почти ничего не осталось. Пожар в старое время для трудящегося человека — это нужда на целые годы, это кабала, из которой потом до самой смерти не вылезешь. В наше же время, нам, погорельцам, пришли на помощь. Райжилсоюз отремонтировал квартиру, и она у меня не хуже чем до пожара. Заводской комитет выдал 200 рублей, базовый совет — 100 рублей, дорожный совет — 250 рублей.

Так в беде помогают Советская власть, советские организации. Не лишнее будет сравнить здесь, каково положение рабочих в капиталистических странах. Там не только не помогают рабочему люду в беде, а, наоборот, даже из тех квартир, кото-

рые занимают рабочие, их выселяют по всякому поводу, и рабочим приходится ютиться на пустырях, за городом в кое-как сколоченных из ящиков клетушках. Наши скотные дворы в колхозах — это дворцы по сравнению с теми лачужками, в которых вынуждены прозябать рабочие за границей.

Н. БОРЗОВ,
ремзавод РУжд

ДЕТИ—НАША ГОРДОСТЬ

Я расскажу немного о своей жизни при царизме, и всякому станет понятно, какая разница между тем, что было и что есть сейчас.

Работал я в железнодорожных мастерских по 12—15 часов в сутки, получая мизерный заработок. У меня было к этому времени уже трое детей. Вся наша семья влачила жалкое, нищенское существование. А тут, как нарочно, с каждым годом детей все прибывало.

Моя жена, измученная нуждой и заботой, не желая разводить по свету нищих, решила, по совету других женщин, сделать себе тайно аборт. Последовало заражение крови, и жена преждевременно сошла в могилу, оставив меня с тремя детьми.

Вот как царская власть и капиталисты калечили и уродовали нашу жизнь, вот как гибли люди от своей бедности и нужды.

Советская власть и коммунистическая партия дали нам другую жизнь. Если при проклятом капиталистическом строе нас, многосемейных рабочих, заставляли жить в подвалах, то при Советской власти я имею прекрасную квартиру. Я живу сейчас в достатке, воспитываю пятерых детей.

Старший сын — моя гордость. Он член ЦК комсомола, работает заместителем начальника политуправления наркомсовхозов. Дочь — комсомолка, работает на заводе... Остальные дети учатся в техникуме и в средней школе. Я уверен, что они будут учиться и в вузах и получают такие профессии, какие только пожелают, потому что партия, правительство, сам великий Сталин заботятся о наших детях, о всем народе.

СМИРНОВ Иван Кузьмич,
ремзавод РУжд

СЧАСТЛИВАЯ СТАРОСТЬ

Когда я сравниваю нашу радостную, счастливую зажиточную жизнь с прежней проклятой жизнью при царизме, то невольно вспоминаю про селедочный рассол, который в жизни нашей семьи играл важную роль.

После 10-летней работы отца кузнецом в саратовских мастерских РУжд ему тяжелым молотом раздробило два пальца на руке совсем, а остальные покалечило.

Стала страшная нужда. Семья большая—7 человек, отец больной. Питались обычно хлебом, который не всегда был, и селедочным рассолом.

Стоит у торговца бочка с селедками. Кто „побогаче“, покупает селедки—берут руками прямо из бочки, а я стою с посудой за рассолом; порция—2 копейки. И вот такой грязный селедочный рассол долгое время был основным питанием нашей семьи.

Приведу еще одно сравнение.

Отец, после того, как его покалечило, долго болел. А когда поправился, начал судиться с РУЖд. Суд тянулся целых полтора года. Ниоткуда никакой помощи. Наконец, присудили выплачивать в пользу отца четверть оклада—9 рублей в месяц. Но и эти деньги получали четыре раза в году.

И вот и я теперь на пенсии. Родился в 1883 году, и за мои 34 года рабочего стажа мне выплачивают по 208 рублей в месяц. Только жаль, что много силы истрачено. Когда я работал смолоду у Беринга за 10 копеек в день, мне приходилось таскать чугун с первого этажа наверх в мастерскую.

И получил я грыжу. Пришлось лечиться. За лечение брали деньги. Потом сделали операцию. Так и ушла преждевременно силушка. Жалею, что мало ее осталось для нашего советского завода, для нашей дорогой свободной родины. Но я хоть и пенсионер, а работы не бросаю. Работал я слесарем в хозяйственной бригаде, а теперь заведу раздаточной-инструментальной.

В царское безвременье старость трудящихся ничем не обеспечивалась. Она была в тягость не только себе, но и другим, своим ближним,—лишний рот, а нужда без того большая.

Сейчас стало жить лучше, веселее не только молодым и сильным, но и старикам. И для старости пришла радость. Старикам будто снова родились: без принуждения, а по своей доброй воле, чтоб быть полезными своей родине, чтобы она была еще крепче, работают в одной упряжке с молодыми.

А если старые кости запросят покоя, нет нужды печалиться, Советская власть позаботилась о старости.

Великий творец Конституции товарищ Сталин хорошо сказал о том, что приятно и радостно знать, за что мы бились и как мы добились победы. И наш ремзавод не стоял в стороне от революционной борьбы. В 1905 году, когда начались забастовки, весь наш завод принимал в них участие. В 1916 году мы также бастовали.

И вот наступила счастливая, радостная жизнь. Она завоевана долгими годами борьбы с царизмом, с эксплуататорами. И то, что завоевано, то записано в нашей Сталинской Конституции, на основе которой мы выбирали депутатов в Верховный Совет СССР; на той же основе мы будем выбирать в Верховный Совет РСФСР 26 июня. Мы будем голосовать за партию большевиков, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за людей, преданных делу Ленина—Сталина, борцов за счастье советского народа.

ДВЕ ЖИЗНИ ¹

Есть такая поговорка. „Не две жизни жить“. Это неправда. Я на себе испытала, как может человек второй раз родиться и какая может быть у него новая, не похожая на прежнюю, жизнь.

О своих молодых годах обидно и вспоминать. Сплошное горе, нищета, темнота. Было нас у отца шестеро, надел давался подушно, а „душой“ считался только мужчина. А так как в семье было пять дочерей, то земли приходилось так мало, что обрабатывать ее не было смысла. Вечно мы были в кабале у кулака Юдина. И не мы одни—почти все село. Работали на его полях от зари до зари. Зарабатывали столько, что едва хватало прожить кое-как до января, а там снова приходилось идти к „благодетелю“. Много, много лет прошло, но и сейчас вспомнить спокойно не могу толстую, самодовольную рожу этого проклятого паука. Поломается, бывало, вдосталь и „смилюстивится“. „Так уж и быть“ даст хлеба в долг, а потом за него все соки выжмет.

Наши отец и мать были темные, замученные горем крестьяне. Не понимали они, что детей нужно учить. Да если бы и понимали—не могли этого сделать. Ученье — роскошь, недоступная для детей батрака.

— Какое там ученье... С голоду бы не помереть. Да и в школу ходить не в чем...

Так часто говорила мать. И росли мы все неграмотными. Детства мы не видели. Проходило оно в тесной, грязной избе, без книг, без игрушек, без веселых игр. Вокруг нашего села был чудный лес. Но мы на него могли только смотреть. Лес принадлежал помещику, и ходить в него нам строго-настрого запрещалось. Часто зимой встречали мы школьников. Они размахивали сумками, громко о чем-то говорили, смеялись. Школьники казались нам важными, необыкновенными, и мы плакали: тоже хотели учиться.

Детство в те времена было в деревне короткое. Мне еще не исполнилось девяти лет, как отдали меня в няньки. Я была слабая, уставала быстро. Подержу немного ребенка—и просто руки отнимаются. Особенно было трудно ночью вставать. Слышу—ребенок кричит, слышу и хозяйкин сердитый голос, а не могу проснуться.

Так и росла я. Ничего, кроме люльки и корыта, не видела. Потом, уже взрослой девушкой, поступила в прислуги к помещику Малышеву.

До этого я никогда не задумывалась над тем, почему мы так плохо живем. По примеру родителей, мы привыкли считать, что так и надо, да и не знали мы ничего о настоящей, человеческой

¹ „Коммунист“ за 18 мая 1938 г.

жизни. Впервые попала я в большой помещичий дом. Стоял он в густом саду. Войдя в дом, я просто глазам своим не верила, что так могут жить люди. Комнаты были огромные, светлые, устланные коврами, заставленные диковинной мебелью, зеркалами. Хозяева потешались над „деревенщиной“, над моим невежеством и изумлением. У помещика была дочь, мне ровесница. Она была образованная, с родителями говорила не по-русски и играла на пианино. Больше всех она издевалась надо мной: высмеивала, пугала, давала презрительные прозвища.

Я была с детства запуганной, боялась хозяев. Молчала я и здесь. Но в душе уже накапливалось возмущение, обида. Все чаще и чаще возникали передо мной вопросы, на которые я не могла ответить. Почему они надо мной издеваются? Почему в деревне у нас голодают, а здесь объедаются дорогими кушаньями? Почему хозяйская дочь имеет все, о чем можно только мечтать, а я, такая же девушка, не знаю даже грамоты и должна всю жизнь за 3 рубля в месяц одевать ей туфли, работать на нее?

Ответ на эти вопросы я получила позже, после того, как началась в нашей стране Великая Октябрьская революция. А пока, в минуты отдыха, мы с кухаркой Катериной Ивановной делились своими обидами, своими мыслями о нашей трудной доле.

— Погоди, девушка, — часто шептала мне Катерина Ивановна, — потерпи. Будет, будет и на нашей улице праздник...

И вот началась моя вторая жизнь. Настоящая человеческая жизнь.

После революции все пошло по-другому. Я поступила санитаркой в 6-й советский госпиталь в Саратове. Незаметно стала крепнуть во мне уверенность, что я человек нужный. Больные и раненые бойцы полюбили меня. Я работала 8 часов и в первый раз в жизни получила собственную комнату. Я стала освобождаться от постоянного страха провиниться, не угодить. У меня появилось сознательное отношение к работе, я ее полюбила. Раньше работа для меня была несчастьем, унижением, а теперь я работала с любовью, стремилась сделать все как можно лучше. Мне хотелось чем-нибудь отблагодарить всех этих добрых, заботливых людей.

Часто после дежурства я приходила в палаты, чтобы послушать рассказы выздоравливающих бойцов. Забинтованные люди говорили о партии большевиков, о борьбе за народное счастье, о революции. Здесь я слышала великие имена: Ленин, Сталин. Поняла, что партия большевиков заботится о трудовом народе, борется за то, чтобы он получил хорошую, счастливую жизнь, чтобы женщина была не темной рабой, а полноправным человеком. Все это я поняла, всем сердцем почувствовала и вступила в ряды коммунистической партии большевиков.

Прошло несколько лет. Я стала активной общественницей. Живя в Петровском уезде, я по поручению партийной организации вела работу среди женщин, работала по ликвидации кулачества, принимала участие в организации колхозов. Я сама

себе удивлялась. Куда девалась моя робость, нерешительность, застенчивость? Раньше я двух слов не могла сказать, а теперь свободно выступала на собраниях.

Часто в молодых, некрепких еще колхозах, я попадала на бурные собрания. Подпавшие под влияние кулаков крестьяне встречали нас враждебно, недоверчиво. Вот тут и закипало во мне сердце. Я им говорила о нашем с ними прошлом, о безрадостном детстве, о том, как страдали мы от кабалы разных юдиных, как не считали нас за людей.

— Только три года тому назад стала я грамотной, Советская власть меня выучила,—говорила я им.—Благодаря Советской власти наши дети никогда не узнают издевательств, притеснений, они не будут батрачить с малых лет, как мы, они будут читать книги и изучать разные науки...

Не было для меня большей радости, чем видеть, как прислушиваются крестьяне к простым и понятным для них словам, как меняется у них настроение. Особенно женщины меня понимали и становились для меня опорой, очень помогали в работе.

И не было для меня выше счастья как следить за ростом женщин в колхозе, как у них крепнет чувство достоинства, как из забытых, бесправных „баб“ они становятся хозяйками своего колхоза.

Это чувство хозяйской заботы не о своем только дворе, а об общем деле—совсем новое чувство, которое в нас, женщинах, воспитала партия, Советская власть. Сознание, что все вокруг принадлежит тебе, что ты полноправный участник прекрасного великого строительства, заставляет болеть душой за дело, по-хозяйски относиться к нему, отдавать ему все свои силы. Этому я научилась, работая в советах. Я привыкла отвечать не только за большие дела, но и вникать в каждую мелочь, никогда не употреблять слов „это меня не касается“.

Скучно и однообразно проходили печальные дни моей первой жизни. Как река в половодье, бурлит радостью моя вторая жизнь. Я жадно наверстываю то, что было упущено в молодости. У меня уже взрослый сын, а кажется, будто вся жизнь еще впереди, и хочется жить и жить, потому что широки и открыты перед нами все пути.

Давно я мечтала работать на производстве, но не думала, что это возможно: я ведь не имела никакой квалификации.

Потом решила попробовать. Пришла на завод „Трактородеталь“. Партийная организация помогла мне освоиться в новой обстановке, стали меня учить, и скоро я овладела станком.

Партия воспитала во мне настойчивость, стремление никогда не останавливаться на достигнутом.

Коммунист должен быть передовиком на производстве—решила я.

Через некоторое время я стала стахановкой, систематически перевыполняю нормы: вместо 72 деталей в смену даю 111—114.

Этого я достигла только благодаря помощи партии и той большевистской закалке, которую я в ней получила.

В детстве мне не пришлось учиться. Первую книгу я прочла

чуть ли не вместе со своим сыном. Я знаю, как много, как упорно мне надо работать над собой. И я использую на учебу каждую свободную минуту. Я изучаю историю партии и историю СССР, читаю газеты. Сейчас изучила избирательный закон и Конституцию РСФСР.

Мое счастье—это счастье сотен тысяч советских женщин, которые пришли к государственной работе от корыт и горшков, из темной, нищей, страшной жизни.

Я, бывшая батрачка, принимаю участие в управлении своим великим государством. Мне было оказано огромное доверие: я была избрана делегатом на Чрезвычайный VIII Всесоюзный Съезд Советов.

Не могу рассказать, с каким волнением я входила в Кремль. Слезы от радости подступали. В эти минуты, которых до смерти не забыть, я всю жизнь свою вспомнила. Подумала—кем я была и кем стала. Оглянулась на людей вокруг—на счастливый, могучий народ, на женщин, которые, так же, как я, с самых низов поднялись и стали знатными людьми—и заплакала. От радости, от гордости, от благодарности нашей великой партии и товарищу Сталину.

Потом я увидела товарища Сталина. Вместе со всеми делегатами я стояла и приветствовала его и благодарила за наше женское счастье.

Доклад товарища Сталина я чуть не наизусть запомнила. Все время мне хотелось кричать: „Правильно, дорогой товарищ Сталин!“ Потому что все, о чем он говорил, я испытала на себе.

Товарищ Сталин сказал, что наша Конституция „не признает разницы в правах между мужчинами и женщинами“. И тут я вспомнила про „подушные“ наделы, про то, как горевал отец, что у него в семье „душ“ мало: одни дочери.

Я уехала со съезда, унося в сердце каждое слово товарища Сталина. Мне захотелось работать еще больше, еще лучше, чтобы отдать все свои силы на пользу родине.

Гляжу я на наших девушек, смелых, сильных, веселых, и радуюсь. На моем станке работают две комсомолки-стахановки: Колесникова и Егорова. Работа у них в руках кипит, и как они заразительно смеются!

Иногда я вспоминаю, какой в их годы была забитая, униженная Енька. Счастливые девушки! Они никогда не узнают страха перед хозяином, унижений перед кулаком. 122 статья Сталинской Конституции охраняет их молодость, их счастье, открывает им светлую дорогу к радостному труду и материнству. У этих будет только одна жизнь—цельная, крепкая, спаянная великой любовью к партии, родине, народу...

Сейчас я работаю по подготовке к выборам в Верховный Совет РСФСР. Я член Саратовской—Фрунзенской окружной избирательной комиссии. Обязуюсь все силы приложить к тому, чтобы эти выборы прошли еще лучше, еще организованнее, чем выборы в Верховный Совет СССР.

О ПРЕЖНЕЙ КАТОРЖНОЙ ЖИЗНИ

Хочу рассказать, какая была жизнь рабочих в царское время. Семья наша была большая — шесть человек: родители да четверо нас, детей, я — самая маленькая из них. Во дворе, где мы квартировали, жили также и рабочие с табачной фабрики — через них отец и к Левковичу поступил. Бывало, во время полочки отец приходил с целым мешочком денег. Мать для этого нарочно и мешочек сшила, чтобы отец не растерял денег.

Мы, дети, обрадуемся, — целый мешочек с деньгами, вместе с матерью садимся за стол считать. Считаем долго, а насчитаем всего пять рублей — денег много, да все медяки.

Мать вздыхает — живи как хочешь. Все деньги уходили на квартиру да на дрова. Поневоле будешь побираться. Мы и побирались. Встанем утром пораньше, возьмем по сумке и пойдем по дворам.

В Саратове на Ильинской улице подавали кренделями, вот мы туда и ходили в первую очередь. Таких побирушек, как мы, было много. И приносили мы этих крендельков всего несколько штук...

Братья, которые были повзрослее, поступили на фабрику раньше меня. Потом умерла наша мать, и стало еще горше жить. Тогда отец решил и меня пристроить на фабрику.

Пришла я на фабрику к Лебедеву — приказчику Левковича — с письмом от отца, а в письме — бумажка трехрублевая.

Так за взятку и устроил Лебедев меня на фабрике клеить пачки под махорку за три рубля в месяц. Почти все так устраивались, за взятку. Не дашь — будешь год ходить, а на работу не примут приказчики. Они устраивали на работу, они же и за ворота выставляли.

Часто я и теперь вспоминаю прошлую рабочую жизнь. Прошла она, жизнь, в нужде, в угнетении — на фабрике эксплуататора Левковича. Против него мы стали бороться потом, вели подпольную политическую работу на фабрике в кружке. Я хоть и неграмотная была, а в кружке принимала участие. Неграмотность свою я ликвидировала не так давно, в 1937 году, и за это получила премию.

Про нашу новую советскую табачную фабрику рассказывают другие наши товарищи. Правильно рассказывают. Несколько слов о своей работе. Я — помощник машиниста, стахановка. План 1 квартала 1938 года мной выполнен на 126 процентов.

Имею звание героя труда. Я член партии с 1925 года и стараюсь с честью носить это высокое звание, быть примером для других на производстве.

БИЛИ НЕЩАДНО

Одиннадцати лет поступил я на табачную фабрику Левковича учеником на заклеяной машине. Это было в 1911 году. На урок полагалось заклеить пачек для 45 ящиков махорки. Работать надо было с 7 утра до 7 вечера, а если не выполнишь урока, то работай и дальше. Платили по 3 рубля в месяц, а били нещадно. Однажды, работая на заклепочной машине, я присел, наблюдая за ней сидя, а мастер цеха тут как тут, спрашивает, почему я сижу, взял связку бандеролей и по лицу.

Так я работал на заклеяке до тринадцатилетнего возраста, а потом перешел на подноску кулей с табаком. Работать приходилось в помещении, где были сушильные печи, здесь температура доходила до 60 градусов жары, а то и больше.

Сушильные печи загружались сырым табаком крупной крошки. Надо было перенести до двухсот кулей с табаком в смену. Когда табак высыхал, его насыпали снова в кули и переносили на вальцы по лестнице на второй этаж. Стояла невыносимая жара, едкая пыль разъедала тело; головокружение, тошнота. Вот в таких условиях работала наша семья — отец, мать, два брата. Кроме меня, все они померли. Капиталистическая фабрика съела их жизнь преждевременно. ✓

Когда пришли революционные октябрьские дни, я вместе с другими рабочими нашей фабрики состоял в Красной гвардии в Саратове. Наш отряд взял с боя городскую управу, где засели офицерство, юнкера и купечество.

В апреле 1919 года меня призвали в Красную Армию и отправили на восточный фронт в двадцать пятую чапаевскую дивизию. Я находился в 90-м Пензенском полку, который вел борьбу против белых казаков под Семиглавым Маром, Лбищенском, у Шипова.

С 1922 года я снова работаю на табачной фабрике, но только уже на советской. До 1924 года был помощником мастера, а с 1924 года мастером производства всех цехов фабрики. В 1924 году я вступил в партию большевиков. Окончил первый курс индустриального техникума, учился потом в Ленинградском институте махорочной промышленности. Был премирован тов. Микояном за хорошую работу по качеству выпуска махорки. В 1935 году в связи с 25-летним юбилеем старых кадровых рабочих фабрики премирован двухмесячным окладом.

В настоящее время я работаю начальником разработочных цехов табачной фабрики. Стахановец. Член фабкома, второй заместитель секретаря парткома.

Во время выборов в Верховный Совет Союза ССР я работал доверенным лицом по выборам на избирательном участке,

а теперь—председателем избирательной комиссии 20 избирательного участка Саратовского городского избирательного округа.

Гражданская война, наша социалистическая фабрика—это большая жизненная школа для меня. Партия воспитала во мне стремление никогда не останавливаться на достигнутом, все время расти, быть передовиком на производстве и на общественной работе, теснее держать связь с массами и не зазнаваться. Я стремлюсь именно так и делать, в этом мне помогает партийная организация, мои товарищи по работе.

САЙГАНОВ Дмитрий Степанович,
помощник начальника цехов разработки
Саратовской государственной
табачной фабрики.

КАК СВЕТЛОЕ МАЙСКОЕ УТРО

Сейчас на табачной фабрике я выполняю ответственную работу помощника начальника цехов разработки. Зарабатываю от 500 до 600 рублей в месяц. Неоднократно премирован, за хорошую работу имею почетную грамоту. Это Советская власть поставила меня на ноги, воспитала меня и сделала полезным советскому обществу человеком.

И вот вспоминаю теперь про тяжелую жизнь, про нерадостное детство.

Когда мне было десять лет, отец вместе со мной нанялся к помещику Маркову пасти скот. Чтобы не кормить нас у себя, помещик договорился с обществом, и мы за харчи пасли также и общественное стадо. Сегодня кормишься у одного, завтра у другого, по крестьянским дворам. А семья у отца большая—семь человек. Жили в маленькой избенке, которая от дряхлости стала разваливаться. Летом через дырявую крышу лил дождь, а зимой в углах намерзло. Ни на починку крыши, ни на кое-какую надворную постройку отец так и не мог сколотить денег.

Нужда, особенно зимой, была невероятная. Если отцу по зимам удавалось работать на конюшне у помещика, то на эти несчастные гроши приходилось покупать печеный хлеб. Чтобы купить муки и испечь самим хлеб, на это нехватало денег. Чуть свет, даже тогда, когда на дворе была пурга, отец должен был идти за двенадцать верст в Тамалу за хлебом, а мы собираемся у окна и ждем отца. Вернется к вечеру, пересябнет, мать согреет похлебку,—мы считали это праздником. Но и это не всегда было.

Никто из нас не учился в школе. Она была за 12 верст, а надеть было нечего, где уж тут думать об учении!

И вот в 1912 году надумали мы с отцом уйти на заработок в Саратов.

Кое-как собрали денег на поезд и приехали в Саратов к отцовой сестре. Приняла она нас хорошо, по-рабочему, сели

за стол, разговариваем. Тетя на меня посматривает, на мои худые лапки и рваное белье, а у самой слезы на глазах.

И у тетки нужда большая, но все же приютила она меня у себя, а спустя некоторое время уговорила приказчика на фабрике Левковича взять меня на табачную фабрику. Тетя у него работала набойщицей табака. Стал я разборщиком бумаги при фабричной типографии и получал 1 р. 50 копеек в месяц.

Спустя несколько месяцев, меня поставили учиться накладчиком на типографской машине, и когда выучился, заработок мой повысился до 3 рублей.

Был такой случай. Одно время мы, подростки, работали в ночной смене и, чтобы не дремать, пели песни. А за стеной цеха — хозяйский кабинет. Услышал хозяин наши песни, явился в цех да и давай нас бить палкой по чему попало. С перепугу ребята бросили работу, разбежались кто куда. Утром нас уволили. Тетка меня здорово пробрала и пошла к механику Блинову просить, чтобы снова приняли меня. Кое-как упростила. Так я работал до 1915 года, а в этом году меня призвали на военную службу. Побывал я и на германском и на румынском фронтах. Вернулся с фронта в 1917 году. С тех пор так и работаю на табачной фабрике.

Гляжу я сейчас, как растут наши дети, — сердце радуется. Учатся, живут, что цветы цветут. Часто вспоминаю свое печальное детство, свою прошлую жизнь на хозяйской фабрике, сравниваю прошлое с теперешним. Прошлое мне представляется как сплошная темная осенняя ночь, а теперешнее, советское время — как светлое майское утро...

ИПАТОВ Андрей Дмитриевич,
стахановец, рабочий Саратовской
государственной табачной фабрики

ЗАВОЕВАННОГО НЕ ОТДАДИМ!

Работали мы на табачной фабрике Штафа в Саратове. В нашем цехе большинство рабочих была молодежь, которая работала по двенадцати часов в день, а иногда и лишние часы. Условия труда невыносимые. Полутемные сырые цехи фабрики тонули в табачной пыли, в копоти от ламп, которые горели без стекол, в копоти от сургуча. Нечем было дышать.

Оплата труда была прямо нищенская. Например, я за свою работу получал 3 рубля в месяц.

Отношение к рабочим было зверское.

На фабрике Штафа служил приказчиком Кузнецов — маленький, злой старичок. Как-то я клеил пачки для папирос „Золотая рыбка“. Сургуч был плохой, тянулся, коптил, быстро остывал. Таких пачек я наклеил уже два ящика. Весь измучился. Вдруг подходит Кузнецов (должно быть, следил за мной). Стал

просматривать, ковырять пачки. Смотрит, ругается, а потом как бухнет по шее—искры из глаз посыпались. Высыпал пачки из ящичков на пол и велел выбирать хорошие пачки. А где их выберешь, „хорошие“ пачки? С таким сургучом нельзя сделать лучше. И пошла моя работа в брак.

Браковали нещадно и еще нещаднее били за брак, особенно молодежь, да и старикам доставалось.

Вот как работали на фабрике Штафа.

Проклятое прошлое кануло в вечность. Пришла хорошая радостная жизнь.

Нет больше темных, пыльных цехов.

Табачная фабрика реконструирована и стала неузнаваемой. Цех выработки нюхательного табака, в котором я работаю, также переоборудован. Наш цех стахановский, в нем работают главным образом женщины. Нормы плановых заданий нами перевыполняются. За I квартал 1938 г. выполнение в среднем по цеху 117 проц., у отдельных лучших стахановок—126 проц. Непрамотность по цеху ликвидировали. Я несу общественную нагрузку редактора фабричной стенгазеты „Сигнал“, а у себя дома занимаюсь подбором материала для второй книги истории нашей фабрики. Первая книга истории нашей фабрики под названием „Былые годы“, написанная при моем участии рабочим коллективом, вышла из печати в 1937 году. В своей библиотеке беру на дом книги для чтения, читаю „Правду“, „За пищевую индустрию“ и областную газету „Коммунист“. Моя старшая дочь заканчивает 3-й класс, учится хорошо, а младшая начнет учиться осенью. Жена работает в институте механизации. В 1937 году по цехам фабрики изучали закон Сталинской Конституции и активно вели подготовку к выборам в Верховный Совет СССР. Первым кандидатом в депутаты на общем собрании рабочих фабрики был выдвинут дорогой вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин.

Двенадцатое декабря 1937 г. было великим днем, всенародным праздником,—мы опускали свои бюллетени за кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР тт. Стромина и Дубинина.

Наша фабрика имеет лучшие показатели по выработке махорки как по качеству, так и по количеству, и стоит на втором месте по выполнению планов среди других махорочных фабрик по РСФСР.

Наши рабочие живут новой культурной жизнью. Вместо прежних хибарок и подвалов, в которых в царское время жили табачники, вместо нищеты и голода, постоянной тревоги за завтрашний день—мы, рабочие, живем в хороших, светлых квартирах зажиточно и культурно, счастливо и весело, без тревоги за завтрашний день.

Социализм в нашей стране победил и обеспечил расцвет социалистической промышленности. Мы добились этого под руководством большевистской партии. И то, что завоевано нами под великим непобедимым знаменем Ленина—Сталина, мы будем защищать от всяких врагов до последней капли крови.

Мы, рабочие, стремимся к тому, чтобы наша промышлен-

ность и впредь развивалась, не отставая, а обгоняя капиталистические страны, и в предстоящих выборах в Верховный Совет РСФСР мы, как и в выборы в Верховный Совет СССР, будем голосовать за партию большевиков, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

ИЛЬИН Иван Яковлевич,
колхозник колхоза „Од-вэле“,
Даниловского района.

ТОВАРИЩ!

...Одиннадцать весен гонял стада, одиннадцать зим батрачил, а известно, какая была батрацкая жизнь. Мне платили за лето 15 рублей, а дома—пятеро, кроме меня.

Вот так и пробатрачил я до самого прихода Советской власти. За шестьдесят три года своей жизни я истоптал много-много дюжин лаптей. Сколько земли барской, купецкой да кулацкой исходил я за свои годы, сколько верст отмерено в поисках заработка—не сосчитать!

Если русскому батраку было плохо среди своих русских богатеев, то еще хуже чувствовал себя батрак-мордвин среди этих кровососов.

Русские богатеи, конечно, не считались—русский ты или мордвин, эксплуатировали бедняков и русских и мордвинов одинаково, но наряду с кабалой над бедняком-мордвином всячески измывались. „Эх, ты, мордва проклятая!“ только и слышишь, бывало, от хозяев, от их приказчиков и от ихних разных прихлебателей. Тяжело было нам, мордвинам-беднякам, переносить такие оскорбления. Теперь от тяжелого прошлого остались одни воспоминания.

Земля дана колхозам навечно. Зеленятся сочные колхозные поля и цветут вновь рассаженные сады колхозов.

И теперь нет тех людей—наших угнетателей, которые кололи нам глаза, называя „проклятой мордвой“. Мы—русские, мордвины, татары, казахи и другие наши братские племена—вбили навечно осиновый кол в могилу прошлого.

Теперь мое старое ухо слышит совсем другое слово, которое для нас так же приятно, как хорошая музыка или песня.

Это слово—товарищ.

Раньше: „Эх, ты, такой-сякой!“

Теперь: „Здравствуй, товарищ!“

Я думаю, что эти слова говорят больше, чем иные книги. Они говорят о том, что утвердилось братство между всеми народами нашей страны.

Когда-то в детстве я, улучив минутку для отдыха, любил, лежа на спине, смотреть на далекие звезды, хотел знать, что это такое звезды. Мне говорили: „Если хочешь знать—учись!“ Но где же мордовским ребятам, да еще бедняцким, учиться?

Самоучкой я все же выучил буквы. На японской да на германской войнах стал кое-как читать по-русски, но только Советская власть научила меня грамоте по-настоящему.

И только теперь, на старости лет, сбылись мои мечты знать, что такое звезды, что такое мир. Это я узнаю из книг, которые я читаю. Это я узнаю от людей, с которыми я беседую.

И за то, что Советская власть дала мне знание, я стремился это знание сделать полезным общественному делу. Когда меня послали на ветеринарные курсы, я так и решил: выучиться и своим знанием помогать колхозу. И вот уж восемь лет я берегу колхозный скот от заболеваний. Работаю с любовью, и хоть я инвалид царской войны, а сейчас стал полезным человеком и горжусь этим.

При помощи колхоза я выстроил дом. За свою работу в колхозе в прошлом году я получил 42 центнера хлеба. Имею корову, теленка, овец, свинью, кур, чего до колхозов никогда не имел. Моего сына выучили в советской школе, и теперь он работает трактористом. Весело и хорошо живу, а в работе нахожу радость!

Во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в моем доме проводились собрания, велась разъяснительная работа. И сам я собиравшимся колхозникам и колхозницам читал „Положение о выборах в Верховный Совет СССР“. А в день выборов мы с женой оделись по-праздничному и в 6 часов утра были на избирательном участке.

Нашими избранниками были Фурманов Иван Тимофеевич и Дубинин Николай Николаевич.

Фурманова Ивана Тимофеевича я вместе с односельчанами видел и слышал. Известна была и его работа комбайнера. За свою отличную работу он награжден орденом Ленина.

Я знал, что эти люди, которые в прошлом были подобными мне, всей душой преданы нашей партии, преданы народному делу, и они сумеют оправдать доверие, оказанное им народом. Такие люди не забудут и про нас, стариков, и точно выполнят слова, записанные в Сталинской Конституции.

Голосуя за них, я голосовал вместе с тем и за нашего дорогого отца товарища Сталина — за него, любимого, голосовал весь советский народ...

БУЯНОВ Осип Григорьевич,
председатель колхоза „Од-вэле“ —
Каргалеяка, Даниловского района,
Саратовской области

„ОД-ВЭЛЕ“ — НОВОЕ СЕЛО

Почти шесть лет я работаю председателем колхоза „Од-вэле“, шесть лет вижу я собственными глазами, как по-новому перестраивается колхозное село, как по-новому переделываются люди, как наша колхозная жизнь делается дружнее и радостней. Никогда еще не знала Каргалеяка такого размаха в стройке, такого энтузиазма в работе, каких достигла она за эти годы. Недаром колхоз назван „Новым селом“. Да, село новое!

А в прошлом батраки Каргалежки, батраки моего родного села Сосновки, подгоняемые безземельем и нуждой, — все они были вынуждены бросаться из огня да в полымя — шли в отход, чтобы не было лишних ртов, в надежде сколотить несколько рублей для семьи. Надежды не сбывались. Штрафы и вычеты выкачивали все заработанное, и приходили мы в семью голыми и босыми, изнуренными работой, с пустыми карманами.

У моего отца, кроме меня, было шестеро. На всех была десятина земли. Вот и вертись на ней, как белка в колесе. Пробовали обращаться за помощью к помещику. Но помещичья „помощь“ оборачивалась кабалой! Помню, доверенный помещика Корин разрешил нам посеять на барской земле. Но когда поспела рожь, он без лишних разговоров скошил две трети посева, а нам осталось — „с гулькин нос“. И жаловаться идти некуда. Попробуй жаловаться земскому начальнику — в каталажку угодишь, сходи к старшине волостному — кнута получишь, скажи сельскому старосте — кулаки в спину.

Я 53 года живу на свете. За эти годы находился и босиком и в лаптях, истоптал стелы, перегоняя отары овец из Самарской в Саратовскую губернию, жил и у помещиков и у кулаков и скажу — жить у них не сладко. Правдива русская пословица: „Хрен редьки не слаще“. Помещик Сатин кормил нас „кандером“ или „разлукой“, как называли мои товарищи по батрачеству помои, которые давали нам, пастухам, для еды. Тем же кормили и помещик Савинка и саратовский пивозаводчик Федоров. Все они держали нас в голоде, холоде и нужде. Все они знали, что мы — мордвины, а мордвинам, по их понятиям, — что свиньям, — все можно; их можно заставлять работать с утра и до глубокой ночи, кормить отбросами, платить жалкие гроши и на них наживать капиталы.

Прямо самому сейчас не верится, как погано жилось на свете.

Вот сейчас я председатель колхоза, такой же, как и все колхозники, хозяин огромного колхоза. В колхозе 1200 гектаров земли, 73 лошади, на МТФ — 24 коровы, на ОТФ — 159 овец, кроме молодняка, на СТФ — 66 свиней, кроме поросят, птицеферма, пасека с 46 ульями пчел.

У меня заботы больше, чем было у управляющего помещичьих поместий. Во-время посеять, во-время убрать, правильно расставить силы, чтобы нигде не было простоя в работе. И ничего, управляюсь. Колхоз — это большая выучка для бывшего батрака. С каждым годом, с каждым днем растешь на работе, делаешься опытнее, да и коллективные совет и помощь — большое дело. Члены правления, актив — сообща обсуждаем и двигаем вперед свой колхоз.

С ростом хозяйственной мощи колхоза поднимается благосостояние колхозников. На 216 колхозных дворов — 216 коров, да молодняка 21 штука, свиньи, овцы, птицы...

И вижу я, как растет интеллигенция нашего села: 9 учителей — наши односельчане. Выучились сами, а теперь обучают колхозных ребят. В колхозе две школы, а в них обучается 230 колхозных ребят, из них половина девушек. Колхоз вырастил

20 своих трактористов. Как на пример, укажу на трактористку Таю Пяташкину, которая вырабатывает на тракторе от 1½ до 2 норм.

Ведь только при колхозе мои соотечественники-мордвины начали мыться в хорошей бане, выстроенной колхозом. Только при колхозе у нас в селе появилась библиотека, в которой около трех тысяч книг, появились радио и клуб, выросли фермы и школы, в которых учатся наши дети. Только при колхозе начали думать люди, что неплохо иметь свою электростанцию и звуковое кино. И эти думы мы осуществим в ближайшем будущем.

А я как председатель колхоза, кандидат в члены великой партии Ленина—Сталина, прилагаю все усилия, чтобы осуществить мечты и думы колхозников и оправдать доверие, оказанное мне колхозниками.

СЕЛЯЕВ Михаил Ананьевич,
колхозник колхоза „Од-веле“,
Даниловского района.

ВЕЛИКОЕ ДОВЕРИЕ

В прошлом году наши колхозники оказали мне великое доверие и честь—избрали членом участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Союза ССР.

Услышал я на собрании—выдвигают меня в избирательную комиссию и как-то даже немного испугался:

— Справлюсь ли? Сумею ли сделать все, как это требуется?

Соседи говорят:

— Действуй, Михаил Ананьевич, надеемся на тебя: не подкачаешь.

А меня думы одолевают. Ведь в первый раз такие выборы—всеобщие, равные и тайные. Утвердили меня, и стал я думать уже только об одном—оправдать доверие, провести выборы как можно лучше.

Позабыл я про свои 58 лет, хожу словно помолодел лет на 20. Старуха моя только головой качает:

— Что ты, Михаил, и день весь бегаешь и ночи не спишь...

А я ей в ответ:

— А ты чего все у печки? Иди в бригаду, учи закон о выборах. Должна ты на-зубок знать, как и кого выбирать будем.

По селу в эти дни—в совете, в правлении колхоза, у пожарного сарая, в библиотеке, у дворов—езде главный разговор: выборы. По десятидворкам кружки работали, изучали Конституцию и избирательный закон. Каждый старался доказать, что вот в их десятидворке действительно все досконально изучили. Другой раз так заспорят, такими себя все политиками покажут, особенно молодежь, что прямо радостно—какой народ пошел, все знают, до всего докапываются. Мы, бывало, в их годы, даже в выборы какого-нибудь сельского старосты соваться не смели. А теперь, ведь это понять надо, государственную

власть выбираем. Да и кого выбираем-то! По нашему округу вот избрали комбайнера-орденоносца Ивана Тимофеевича Фурманова. Ведь он наш. Наша партия, наша власть вырастили. Был он у нас в селе, выступал на собраниях. И каждый, глядя на него, слушая его, чувствовал и понимал, что Советская власть перед каждым честным сыном народа открыла широкую, светлую дорогу.

Недаром день 12 декабря 1937 г. был для всех самым радостным, праздничным днем. С 6 часов утра помещение избирательного участка заполнилось людьми. Все пришли в своей лучшей одежде, взволнованные и радостные, получали бюллетени, опускали их в урны и долго еще потом не уходили, сидели в комнате ожидания, слушали патефон, читали газеты, молодежь танцевала, народ постарше беседовал. Многие вспоминали старую, тяжелую, беспросветную жизнь, когда даже мысль о лучшей доле была преступлением в глазах царской власти. И эти воспоминания в каждом еще больше укрепляли решимость не жалеть своих сил на дело укрепления нашей родины, а если понадобится, то в борьбе с ее врагами не шадить и своей жизни.

Не раз в эти дни вспоминались и мне прожитые годы.

Семья у нас была большая — пятеро детей. Бедствовали так, что и вспоминать не хочется. А многие жили еще хуже чем мы. У нас земельный надел был все же на три души. Раньше ведь землю давали только на мужчин. Если рождались в семье девочки, так родителям хоть в омут головой. У Ивана Григорьевича Трошина, моего односельчанина, было пять дочерей. Всех накормить, одеть нужно было, а земли только на него одного. Мучался он страшно. Только после Октябрьской революции земель наделили всех. Был еще такой порядок: землю переделали раз в двенадцать лет. Если рождался сын, то на него земли не давали до следующего передела. У меня сын Антон родился на другой день после передела. Сколько я потом ни ходил, сколько ни кланялся и старосте, и старшине, и земскому начальнику, — везде ответ был один — жди до следующего передела. Так и прожил Антон до 12 лет без земли.

Был я еще совсем мальчонкой, только-только в церковно-приходской школе грамоте выучился. Мне отец и говорит:

— Ну, Мишка, идем работать. Одному мне не прокормить вас.

Пошли мы в Алгай к помещику Чурикову. Работать приходилось и день и ночь. И спали и ели на ходу. Чуть где хоть самую малость не так сделаешь — штраф, да еще кнутом огреют. Под видом штрафов барские приказчики чуть не половину жалованья ужиливали.

Проработал я в Алгае 3 года и решил податься в плотничью артель, плотничьему мастерству научиться. Тут тоже немало перетерпеть пришлось. Все артели в руках подрядчиков были. А уж хуже подрядчика притеснителя сыскать трудно. Десять лет я работал у подрядчика Рогожина и все десять лет ходил в учениках, хоть и скоро стал работать наравне с прочими. Подрядчику от этого выгода. Ученику платили меньше. Уж после того как ушел я от Рогожина и попал на работу к одному кон-

коннозаводчику, под Ростовом-на-Дону, положили мне жалованье 11 руб. в месяц. Ну тут тоже порядки были как и везде, — чуть что не так — штраф. Скажешь что-нибудь против — расчет. Много приходилось терпеть, о многом молчать. Держались за работу, не легко ее было найти. Много тогда народу ходило месяцами, и нигде для него не было работы.

Женился я, пошли дети. Восемь человек у меня детей. Не приди в 1917 году наша Октябрьская революция — не поднять бы мне своих ребят на ноги. Задушили бы нас нищета и темнота. С 1917 года жизнь пошла другая. Советская власть наделила нас землей, стали мы из нужды выбиваться. Но жизнь единоличная — не легкая жизнь. Разве в одиночку возьмешь от земли все, что она может дать? Разве в одиночку справишься со всеми работами во-время? Вот и получалось: опоздал посетить — недород. Дождика во-время не было — голод.

Когда начался у нас колхоз, подумал-подумал я, да и отвел своего „Гнедого“ на колхозный двор. И вот в колхозе-то мы и вздохнули полной грудью.

Я как плотник работаю больше на постройках. Много теперь строится. Строим мы школы. В них учатся наши дети, которым раньше школа была недоступна. Строим клубы, в которых веселится наша молодежь, в которых мы культурно проводим время. А раньше только две дороги было у бедняка-крестьянина: в церковь, где попы збивали в головы покорность властям и примирение со всей подлостью тогдашней жизни; кабак, где на последние медяки можно было оглушить себя сивухой, чтобы хоть на час забыть тяжесть и безнадежность жизни.

Строим колхозные конюшни, скотные дворы и амбары. Мы построили для нашего колхоза амбар на 20 тысяч пудов хлеба, мы, у которых раньше нечего было ссыпать в закром.

Пройдешь по селу и видишь:

Две школы. В них учат наших детей на нашем, мордовском, языке, наши учителя-мордвины.

Баня. Наше село не знало, что такое баня.

Новые дома колхозников. Во дворах, где раньше и курицы не водилось, — теперь коровы, телята, поросята, овцы.

Встретишь приятеля, поздравляешься:

— Чумбрат чи, ялгай! Кода эрят? (Добрый день, товарищ! Как живешь?)

Он отвечает золотыми сталинскими словами:

— Чумбрат чи! Эремусь велявц паро и весело! (Добрый день! Жить стало лучше, жить стало весело.)

Я уже не молод. Но я хочу еще много и долго работать. Строить все новые и новые здания. Я слежу сейчас за своей работой так, как никогда не следил, работая у подрядчика или коннозаводчика, хотя там мне и угрожал штраф или расчет. Когда я замечаю, что где-нибудь сделано недостаточно хорошо, я говорю себе: „Тут ты, Михаил, сделал плохо. Переделай. Это не для коннозаводчика, это для нас, для народа“. И я берусь и переделываю заново.

Дома я часто смотрю на фотографии своих детей. У меня в семье теперь есть инженеры, техники, шоферы, трактористы. Это партия, это Советская власть открыли им дорогу к знанию, к счастливой жизни.

26 июня мы будем выбирать в Верховный Совет РСФСР. В этот день, как и в день 12 декабря 1937 года, мы отдадим свои голоса за лучших людей из нашего народа, за тех, кого выдвигает партия вместе со всеми беспартийными, за тех, кто сумеет разгромить любую попытку врагов надеть на наших детей и внуков ярмо той неволи, с которой мы покончили в 1917 году.

ПУЗАНОВ Иван Ефимович,
колхоз „Красный Октябрь“
Пригородного сельсовета,
Аткарского района.

КОЛХОЗ—МОЯ РАДОСТЬ И СЧАСТЬЕ

I

Было нас у отца пятеро: я, сестра и три брата. Все мы были раздеты, разуты и голодны. Во дворе—хоть шаром покати—пусто, в закромах, кроме застаревшего мышиного помета, нет ничего. А есть каждому хочется, но взять негде. А тут еще мать хворает, отец ходит сам на себя не похож,—где что заработает, там и пропьет.

Спросят бывало его соседи:

— Ефим, ты поглядел бы на детей,—почти голыми ходят, животами на солнце сверкают, а ты пьешь. С чего бы это?

Отец покрутит головой, посмотрит осоловевшими глазами на нас, оборванцев, сплунет, выматерится, а потом сквозь зубы процедит:

— С хорошего не будешь пить — с нужды пью. А на этих сорванцов разве столько нужно денег, сколько на сороковку!

А потом вновь поглядит на нас, сядет на лавку у двора и долго плачет.

Весной, когда мне было 10 лет, умерла мать. Здесь уже ничем не удержать отца—каждый день умудрялся пить. Сестру мою взяли в приемыши в ближайшую деревню. Отец только вздохнул, погладил по голове свою дочь и согласился отдать. Меня же, как самого старшего, на следующую весну отдал в подпаски.

Пас я овец два года, а потом решил, что на мирских хлебах долго не выживешь; летом хоть плохо, но кормят. А зимой пастух или подпасок кому нужен? Пусть как хочет, так и добывает себе пропитание. Я решил итти в работники к аткарскому кулаку Смурыгину.

Весна, лето и осень—тяжелое время для батраков. С утренней зари до темна пашешь, сеешь, косишь, молотишь. Нет тебе отдыха ни в будни, ни в праздники—работа, работа и работа.

Даже в баню некогда было сходить. Так от ранней весны и до глубокой осени и зарастаешь грязью.

А зимой работа на маслобойке, уход за смурыгинской скотиной, подвозка мяса в лавку, где торговал сам хозяин. Зимой такая же каторга, как летом. Летом жарко, а зимой холодно. В этом и разница.

Так я и прожил у Смурьгина пять каторжных лет, в надежде на то, что мой хозяин войдет в мое сиротское положение и, кроме положенных в год 25 рублей, даст мне еще что-нибудь.

На это я больно надеялся и этим жил. Бывало, выйду к лошадям, ухаживаю за ними, а сам думаю:

— Вот женюсь, хозяин даст мне одного гнедого да овцу или телушку и скажет: „Ну, иди и живи себе с миром, Иван, плоди детей! Ведь ты у меня целых пять годов жил, пот проливал, недосыпал, недоедал, из кожи лез—трудился, наживая мне капитал!“

Но так я и не дождался ничего от своего хозяина, хоть и женился, работая у него. Как пришел с пустыми руками к нему, с тем и ушел на военную службу.

II

Из армии вернулся,—жить негде. Братья, как и я, в работниках жили. Жена без меня тоже батрачила. Все хозяйство наше развалилось, остался голый пустырь на том месте, где хата стояла. Отец это место променял на покосившуюся избу и доживал там остатки своих дней. Вскоре и он умер. Но так как за ним был долг—он брал 20 рублей под проценты на ремонт халупы,—то нашу избу собирались продать с торгов.

Я решил заработать денег и уплатить за отца. Пошел к волостному ямщику Привалову, ямщину гонять. Гоняю, прошу у него денег долг уплатить, не дает.

И так случилось, что в день моего отъезда торги назначили и продали с торгов нашу халупу. Приехал, а жену уже из дому выдворили.

Я пришел к Привалову и спрашиваю:

— Василий Федорович, ты на торгах был?

— Был,—отвечает он.

— Что же ты, Василий Федорович, не замолвил словечко? Ведь знаешь, что у тебя я работал затем, чтоб долг отдать за отца, но денег ты не дал, хотя и знал, что отработаю. Где ж мне жить и как быть?

— Я ничего не мог сделать. Миром продали, у мира и проси место для жилья.

Поехал я к старшине, пожаловался, но и старшина не помог, а только посоветовал:

— Ты вот что, Иван, подкوبي деньжонок да у нас под проценты возьмешь и купишь избу.

Бились мы долго, купили избенку, но в ней голодным жить не станешь,—подался к купцам аткарским хлеб насыпать и грузить в вагоны.

У многих купцов работал—у Панкратова, Аносова, Батыгина, Галишникова, но больше всего у Панкратова. У этого нянчил мешки целых пять лет. А жена мешки чинила.

Бывало, отгрузишь 1000 пудов, спины не разгибая, плетешься домой, поясницу ломит и за весь этот труд—два рубля получишь.

Прогремела Октябрьская революция. Как полой водой смыло богатеев и купцов. Но мне, безлошадному, не на чем было обрабатывать ту землю, какую дала мне революция, приходилось отдавать ее исполу кулакам или батрачить у них все лето за то, что возьмешь лошадь вспахать свои две десятины...

Подошел 1929 год, прошел слух: будут организовывать колхозы.

Не вытерпел я, услышав про новое, отправился в совет спрашивать.

Оказалось, правда. Крепко подумал я и еще крепче взвесил все прожитое.

Прожил я к этому времени шестьдесят один год, из них 50 лет батрачил. Ни радости, ни светлого дня не видел, все время от пота рубаха не просыхала, а тут вдруг новое!

— Ну, Анна,—говорю жене,—колхоз это и есть то, чего мы искали всю жизнь. Хватит работать на дядю, пора и на себя. Завтра иду записываться.

— Смотри, Иван, где лучше, там и нам быть. Ведь мы старики, скоро никуда годиться не будем, я уже работница плохая. Искушила меня кулацкая работа. Иди запишись и меня запиши.

Как только вступили мы в колхоз — легче стало. И работа есть, и голодными не сидим.

... Получил я в этом году столько хлеба, сколько никогда не получал на своих двух десятинах. Получил шерсти, меду, масла, денег. В хозяйстве завелись овцы и поросята, чего никогда у меня не было.

Живу, работаю и радуюсь. Радуюсь, что жить стало хорошо; радуюсь, что колхоз с каждым днем крепнет; радуюсь каждому поросенку, родившемуся на ферме; радуюсь тому, что дожил до такого счастливого времени, когда я, семидесятилетний старик, нужен для колхозного дела. Радуюсь потому, что колхоз—это наше счастье, данное нам большевистской партией, что колхоз—это моя жизнь...

В прошлом году надо было для обобщественного скота сено скосить. Собираются колхозники—пожилые и молодежь, приглашают в шутку и меня. Я подумал и говорю:

— Пойду! Тряхну стариной, вспомню молодость! Недаром я в день серпом у кулаков по полкруга жал. Недаром я падал обессиленным на ниве. Сейчас для своего родного хозяйства траву скосить—с удовольствием. Держись, молодежь!

Отбил косу получше, сплюнул на руки и пошел вышагивать по лугам! Дух захватывает, сердце радуется, потому что знаешь—кусишь для себя.

Думы о колхозе, о моем родном колхозе, не покидают меня

и на посту. Сторожу я колхозный амбар с хлебом, рядом—гараж наш. Идешь около построек, видишь—винт какой-нибудь или гайка валяется. Поднимешь, повертишь в руках и положишь в ящик. А утром скажешь шоферам:

— Вы что же поразбрасывали винты, разве так можно в нашем хозяйстве! Нашему хозяйству каждый гвоздь надобен.

На посту никогда не задремлю. Может всякое случиться: заснешь, а тут какой-нибудь враг нашей счастливой жизни заберется и напакостит. Зорко стережешь, остро вглядываешься в темноту ночи, ловишь каждый подозрительный шорох, и у меня уж никакой вредитель не подберется к нашему добру. Я стар, но уши и глаза мои молодые,—они помолодели от нашей счастливой, зажиточной жизни, и за эту жизнь я благодарю нашего заботливого вождя и учителя товарища Сталина и желаю ему много-много лет жизни.

Беда моя, что я неграмотен. И рад бы иногда прочитать газету, но в молодости не мог учиться из-за нужды и работы у кулаков. А при колхозах уже учиться опоздал.

Очень жалею, что неграмотный. Слушаю я, как читают газеты, слушаю разъяснения о выборах в Верховный Совет и жалею, что сам не могу прочитать все. Но зато вслушиваюсь, жадно ловлю каждое слово, стараюсь запомнить все важное.

Сколько я прожил при царской власти, но ни разу так выбирать не приходилось. Да где там! Я даже не знал о том, кого и когда выбирают. А теперь, на семьдесят первом году, выбирать прямо в Верховный Совет приходится. Да как выбирать! Тайным голосованием, кого ты хочешь. Ну, а кого мне нужно выбирать в Верховный Совет,—это для меня ясно.

Выбирать нужно людей, готовых защищать великие завоевания революции, защищать и укреплять родину, бороться за нашу радостную жизнь.

Вслушиваюсь, толкуют об Иване Тимофеевиче Фурманове. Выдвигают его в депутаты. Много хорошего я слышал о нем.

И вот на посту разговариваю со сторожем МТС Федором Андреевичем Калининным.

— Ну, каков парень Фурманов Иван Тимофеевич, годен в Верховный Совет?

— Парень что надо! Работяга хороший. Орден ему за работу дало Советское правительство.

— Ну, а ты его видел? Знаешь его сам?

— Я-то? Да Тимофеевича у нас в МТС каждый малый знает, не только что я. Видел и разговаривал. С таким комбайнером и толковать приятно. Надежный парень, наш. Уж этот под ходит в депутаты! Тимофеевич не подкачает, можно положиться!

А после мне биографию его прочитали. Биография не хуже моей. За такого человека я согласен голосовать. К тому же, видел ли свет такое, чтоб простой комбайнер и вдруг у власти, в депутатах ходит? Не видел. А в других странах никогда и не увидят, пока там власть буржуев; у нас же, в стране социализма, при мудрой Сталинской Конституции такое чудо совершило!

Вот поэтому 12 декабря я с радостью отдал свой голос за

Ивана Тимофеевича Фурманова и Николая Николаевича Дубинина, а после голосования долго толковал со стариками и решили на радостях отпраздновать такой великий день.

Выпили по маленькой за то, что хорошо живется, за то, что молодость в наше стариковское сердце переселилась, за наш колхоз, без которого я давно умер бы в нужде, за отца колхозов—Иосифа Виссарионовича Сталина.

Ю. ВЛАДИМИРОВ

ШИЛО-ГАЛИЦИНО

Удобно развалившись в тарантасе, покуривая огромнейшую трубку, помещик Шилов возвращался в имение. Он гостил у своего приятеля под Аткарском и теперь вез дорогую покупку — борзого щенка. Завернутый в холстину, щенок изредка взвизгивал, что доставляло барину явное удовольствие.

— А скажи, Тимофей,—обратился седок к кучеру,—не уступит ли наш борзой галицинским или волконским?

— Что вы, барин, разве это можно... Аткарские борзые отменные, за ними, почитай, из Тамбова ездят.

— То-то! Ну, погоняй, щенку жарко, не заморился бы...

Извилистая пыльная дорога спускалась с косогора. Внизу показалась деревня Шило-Галицино. Почерневшие курные избы, разбросанные в беспорядке по берегам мелководной речушки, казались вросшими в землю. В деревне было пусто—стар и млад, все ушли на работу, только у кабака под развесистой ветлой слышен был шум. Целовальник потчевал своих односельчан, отбирая последние гроши.

Сдав щенка бурмистру, Шилов распорядился вызвать старосту. В комнату вошел рослый мужик, снял шапку, размашисто перекрестился и поклонился барину в пояс. Староста Мозгов был у помещика в почете: нрав он имел крутой и барские приказания выполнял старательно. Недаром крепостные дали Мозгову прозвище „Собакин“.

Староста стоял молча, не смея первым начать разговор. Барин что-то подсчитывал и наконец объявил:

— Собери завтра восемь крепостных, тех, что слабосильные, да отправь к аткарскому помещику.

— Осмелюсь спросить, надолго ли отправить?

— Навсегда. За борзого щенка в уплату.

Староста хотел выйти.

— Стой,—остановил его Шилов,—и другим скажи: будете, дескать, лениться, уважение ежели потеряете,—всех барин на собак променяет. В хозяйстве без строгости нельзя,—добавил он, немного помолчав.

Наутро десять крестьянских семей с котомками и мешками собрались у церковной площади. Знали: раз вызвал староста—добра не ждать.

256863

Пришел Мозгов, взглянул исподлобья на собравшихся, приказал снять шапки, начал читать барский указ:

„Года тысяча восемьсот шестидесятого, месяца августа, двадцатого дня, мы заключили сделку“...

— За что же?—вырвалось у крепостного Яковлева.

— Не твоё холопье дело рассуждать,—оборвал староста. Он подошел к смельчаку, оторвал от его зипуна железную пуговицу привязал к плетке.

— Ложись!—крикнул староста. Яковлев сопротивлялся. Тогда на помощь пришел бурмистр. Началась порка.

После десятого удара у несчастного выступила кровь.

Окончив экзекуцию, Мозгов сообщил:

— Благодарите барина, по его милости уходите вместе с домохозяевами. Ну, с богом.

В имении мешкать не допускалось. Проданные пошли по аткарскому тракту. Летнее утро было прозрачно, трезвонили церковные колокола, женщины крестились и плакали, испуганно жались к взрослым дети.

* * *

Федосею Ивановичу Зайцеву 73 года. Сейчас он работает сторожем в своем колхозе „1 мая“, организованном в деревне Шило-Галицине. Времени свободного у Федосея Ивановича много, и часто рассказывает он молодежи о прошлой жизни, о старых порядках. Рассказывает Зайцев занимательно. Много, ой, как много, видел на своем веку старик!

— Крепостное-то право отменили, а мужику легче не стало, попрежнему гнули спину на помещика, ломали перед богатеями шапки. Бывший-то барин, не будь добром помянут, „подарил“ обществу 300 десятин пахотной земли, да деньги за выкуп потребовал. Крестьяне судили-рядили, решили землю взять. Составили долговые расписки, бумаги разные, а когда подсчитали (обидно и вспомнить), на каждую ревизскую душу пришлось по десять сажен. Куренка выпустить некуда было...

Большинство земли, и самой лучшей, так и осталось за помещиками. Разница лишь та, что Шилова сменили Плотичин и Скорякин. Недалеко за околицей образовался новый земельный надел—поповский.

— До самой Октябрьской революции,—продолжает свой рассказ тов. Зайцев,—мы обрабатывали землю исполу. А это у нас понималось так: одну десятину сеем и убираем для себя, две—на помещика. Или опять же на сенокосе: копну себе накосим, две—помещику. От таких порядков житья не было, не хватало хлеба. Надо было мне раз 40 копеек. Что делать? Продать нечего. Решил я тогда своего сторожевого пса заложить управляющему.

Работая летом на помещичьих землях, зимой шило-галицинские крестьяне уходили на заработки в город. Плотничали, грузили хлеб и лес, некоторые занимались извозом.

Веками, из поколения в поколение, накапливался крестьянский гнев на помещиков.

В 1905 году заговорили о воле. Услышали в деревне, что по всей русской земле крестьяне поднимаются на помещиков.

Однажды ночью далеко за околицей запылали „красным петухом“ барские скирды. Управляющий с дворовыми бросился тушить пожар, звали на помощь. Крестьяне собрались у своих гумен. Молчали.

— Зачинщики, смутьяны, — грозил управляющий барским имением то одному, то другому, — всех переловим, всех в Сибирь...

Долго продолжались пожары. Ометы соломы и сена вспыхивали неожиданно в разных местах. И только когда приехал карательный отряд, пожары прекратились. Жандармы во всем винили крестьян, арестовывали без разбора. Был арестован и Федосей Иванович Зайцев. Начались розыски.

* * *

В волостном правлении объявили, что старшину должны выбирать сами крестьяне. Назначили сходку. Суконкины и другие кулаки забеспокоились первыми. На сход было выставлено десяток ведер водки.

— Выбирай Сафрона Поликанина, — подговаривал кабатчик.

— Выбирай Сафрона, — увещевали кулаки, щедро спаивая хмельным собравшихся крестьян.

Выбрали Поликанина. Думали — надежный человек. Правда, водил Сафрон дружбу с богатеями, но сам имел одну лошаденку, да и та еле ноги таскала.

Прошло три года. Не узнать старшину! Откуда-то появились деньжонки, вошел он в компанию с лавочником, прибрал к рукам немало земли разорившихся крестьян, начал торговать скотиной.

Помог Поликанин зажиточной верхушке сесть на отруба, получив за это немало денег. А сделать это для Поликанина было делом легким. Сдружился он с урядником, ездил с подарками к становому.

Старики вспоминают:

— Пока Поликанина старшиной не избирали, смирный был человек, тихий, обходительный. А потом столько спеси набрался, что твой пристав. Сперва приказал величать себя по имени, отчеству — Сафроном Филипповичем. Показалось ему этого мало. „Зови, — говорит, — меня ваше степенство“. Так и пришлось звать.

С ненавистью вспоминают в Шилово-Галицине об уряднике Козлове.

— Лютый зверь, а не человек был. Каких только податей не придумает, каких недоимок не отыщет! Придет, бывало, и нет того, чтобы сказать по-человечески, столько, мол, и столько надо платить. Нет же! Соберет понятых и сразу описывать имущество. Все переписшет, все обыщет и пригрозит: „Не уплатишь в срок — в тюрьме сгною“...

Жаловаться было некому. Урядник, старшина, помещик Плотинин, его управляющий да разбогатевшие на отрубках кулаки

были полными хозяевами бесправной деревни. И только Великая Октябрьская революция положила конец помещичьему произволу.

* * *

От старого не осталось и следа. Полнокровно и ярко живет ныне колхозная деревня. Но не легко дались победы. Долго и упорно пришлось бороться шило-галицинским крестьянам с кулацко-помещичьим охвостом.

После Октябрьской революции коммунисты-железнодорожники Ртищевского узла организовали в Шило-Галицине партийную. Передовые крестьяне-бедняки и батраки вступили в партию, помогали продотряду, боролись с дезертирством.

Иван Кондратьевич Сорокин, бывший батрак, служил в вол-исполкоме. Туго приходилось от него кулакам во время продразверсток. С ненавистью и злобой смотрели они на Сорокина, затаив непримиримую вражду.

В марте 1921 года в деревню ворвалась одна из белых банд Антонова.

— Сказывай, кто здесь большевики?

Услужливые кулаки пришли на помощь. Через час началась дикая кровавая расправа. Сорокина бандиты застали дома, обыскали и нашли партийный билет. Один из бандитов обнажил шашку. Ударил по плечу. Шашка оказалась тупая. Подоспели на помощь другие. Изувеченное тело потащили на улицу.

На другой день банда выехала из деревни, захватив с собой все припасы и лошадей.

... Годы коллективизации. Жена убитого коммуниста Марфа Михайловна Сорокина одной из первых вступила в колхоз. Братья Абрамовы, Сергей Суконкин, Сергей Голиков и другие кулаки распускали про колхозы разные небылицы.

Долго ходили по окрестным деревням кулацкие прихвостни, прячась от честных колхозников, покушаясь на колхозное добро. Но выросли новые люди, зорко берегли они от хищений колхозную собственность.

Однажды ночью трое кулаков подкрались к конюшне, рассчитывая вывести племенных жеребцов. Сторож Антон Гуськов поднял крик. Один из воров ранил Гуськова. Сбежался народ, лошадей отстояли.

— Теперь хорошо жить стало,—заявляет тов. Гуськов,—но и сейчас надо держать ухо востро. Враги не дремлют...

* * *

Марфа Михайловна Сорокина—председатель Шило-Галицинского сельсовета. Дел у нее по горло: в деревне четыре колхоза, школа, кооператив, занимаются курсы.

Утро. В сельсовет приходит завхоз колхоза „1 мая“ тов. Ларин. В семье родился ребенок, по счету восьмой. Марфа Михайловна поздравляет отца и выписывает справки. Ларин должен получить немалое пособие—две тысячи рублей. Это уже

шестая семья в сельсовете, получающая пособие по многосемейности.

Входит бригадир тракторного отряда, просит проверить, как выполняется договор социалистического соревнования, Марфа Михайловна едет в поле, заглядывает в будку трактористов, проверяет выработку. На обратном пути она останавливается у моста. На широкой и ровной гредерной дороге—выбоина. Надо отремонтировать. Советуется с колхозниками, дает задание выравнять дорогу в трехдневный срок. Потом беседует с пятисотницами на свекловичных плантациях, занимается в кружке по изучению „Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР“.

Марфа Михайловна гордится не только своей деревней, но и своей семьей. Старший сын Григорий, который мальчиком едва спаялся от антоновской банды, сейчас работает бухгалтером в одном из городов Дальне-Восточного края. Сын Сергей—в Москве, лейтенант милиции, пишет, что живет хорошо, зовет мать погостить. Там же, в Москве, и дочь Ксения, служит она на Ярославском вокзале, Василий—в армии, мечтает стать командиром. Младший, Костя, живет с матерью, сейчас работает письмоносцем.

Нет больше в Шило-Галицине былой крестьянской нужды и нищеты. С каждым годом растет и крепнет шило-галицинский колхоз „1 мая“. 2466 гектаров земли закреплены за колхозом навечно. Мощные тракторы обрабатывают землю, уборка хлеба производится комбайнами. В прошлом году колхоз получил больше ста тысяч рублей дохода.

Колхоз имеет свою конюшню, молочную, свиноводческую и овцеводческую фермы, птичник, фруктовый сад, пасеку.

В каждом дворе колхозника виден достаток и довольство счастливой колхозной жизни.

— В старое время у меня не было ни кола, ни двора,—рассказывает свинарь Яков Тимофеевич Гурин,—жил я у чужих людей, спал где придется, лето и зиму батрачил у кулаков. А вот теперь другая жизнь, радостная, счастливая, раньше такая и во сне не снилась...

Сейчас у свинаря Гурина собственный дом, корова, телка, овцы, свиньи, птица, огород. Семья получила более пятисот пудов хлеба на трудодни.

Больше всего гордится Яков Тимофеевич своей дочкой Надеждой, работающей на свиноводческой ферме.

— Она у меня ударница, почетный человек в колхозе, премии получает...

Зажиточно и культурно живет каждая колхозная семья. Все дети колхозников учатся в школах. В нынешнем году в Шило-Галицине будет построена новая школа—неполная средняя.

Среди шило-галицинских крестьян есть много хороших людей, воспитанных партией большевиков. Секретарь комсомольского комитета тов. Иван Гуськов; вернулся он в деревню из Красной Армии развитым и культурным. Работая секретарем сельского совета, Гуськов чутко и внимательно относится к

каждому заявлению колхозника, всегда вежлив, предупредителен, внимателен. Гуськов организовал драматический кружок; спектакли в шило-галицинском клубе пользуются заслуженным вниманием колхозников. Гуськов выдвинут председателем участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР.

Гуськов знает каждую семью в Шило-Галицине и рассказывает, как вместо былой нищеты и бесправия пришла новая жизнь, полная счастья и радости.

Иван Панферович Шемелев раньше ничего не имел, много видел нужды. А теперь? Только за один прошлый год семья Шемелевых получила на трудодни около тысячи пудов хлеба, много денег и разных продуктов. Старший сын Шемелева — лейтенант Красной Армии, так же как и товарищ Иван Бардеев.

Колхозница Федина — пожилая женщина, живет не хуже других. У нее в хозяйстве всего достаточно: корова, овцы, свиньи, птица, огород. Колхоз обеспечивает ее всем необходимым. Ее сын Николай — врач. Это ли не счастье для матери! Кузьма Ильич Дурнов — сын колхозника — сейчас инженер. Раньше и мечтать об этом никому в голову не приходило, а теперь право на образование — наше неотъемлемое право.

* * *

Ярко зелеными всходами покрылись колхозные поля. 100 пудов пшеницы с гектара, не меньше, решили собрать в 1938 году колхозники. На свекловичной плантации видны первые прямые рядки...

Вечереет. Около клуба оживление. На спортивной площадке молодежь играет в футбол. Играет колхозный оркестр. Колхозники собираются в читальный зал на занятие кружка по изучению Конституции РСФСР. Секретарь комсомольского комитета Иван Гуськов, один из лучших агитаторов, толково и убедительно рассказывает о государственном устройстве республики. Его слушают с большим вниманием...

В Шило-Галицине организовано 23 кружка, в которых трудящиеся изучают избирательный закон и Конституцию РСФСР. Колхозники готовятся к торжественному дню — 26 июня 1938 года, когда миллионы избирателей будут выбирать верховный орган власти своей республики.

— У нас в селе 1172 избирателя, — рассказывает председатель сельсовета Сорокина, — и я уверена, что каждый из них будет голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за лучших сынов и дочерей нашей прекрасной родины. Каждый из нас знает, что к светлой и радостной жизни привели трудящихся партия большевиков, любимый наш отец и друг товарищ Сталин. Каждый из нас знает, что, голосуя за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, мы голосуем за нашу могучую коммунистическую партию, за товарища Сталина, за радость и счастье.

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Прежде и теперь	3
2. Джамбул. За орден, за светлую жизнь свою, мой Сталин, тебе эту песню пою	5
3. В. З. Викторov. Радостно стало жить, радостно на детей смотреть . .	8
4. А. С. Кобозев. С винтовкой в руках	13
5. И. Н. Козин. Сталинская забота о человеке	14
6. Н. Борзов. Дети—наша гордость	16
7. И. К. Смирнов. Счастливая старость	16
8. Е. Мудрая. Две жизни	18
9. Е. Ф. Циттель. О прежней каторжной жизни.	22
10. Н. П. Кузьмин. Били нещадно	23
11. Д. С. Сайганов. Как светлое майское утро	24
12. А. Д. Ипатов. Завоеванного не отдадим!	25
13. И. Я. Ильин. Товарищ!	27
14. О. Г. Буянов. „Од-взе“—новое село.	28
15. М. А. Селяев. Великое доверие.	30
16. И. Е. Пузанов. Колхоз—моя радость и счастье	33
17. Ю. Владимиров. Шило-Галицино. Очерк.	37

Редактор изд-ва *Ф. Лобанов*
Техн. редактор *Н. Дахин*
Корректор *Г. Озерцов*
Обложка худ. *Г. Русецкой*

Сдано в производство 25/V-38 г.
Подписано к печати 2/VI-38 г.
Тираж 12000. Формат бумаги
60×92¹/₁₆. У-а. л. 2,78. Бум. лист.
1³/₈. Печатн. лист. 2³/₄. Знак. в
печ. лист. 47,328. Инд. X-5-6.
Издат. № 42. Заказ № 2556.
Уполномоч. Обллита № А/110

Саратов. Типография ОУМП

